

Олег Механик

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Травма

Олег Механик

Травма

«Автор»

2019

Механик О.

Травма / О. Механик — «Автор», 2019

Встреча нескольких людей, внезапно выпавших из беличьего колеса обыденности. Их объединяют трагические ситуации, в которых они оказались, и непростые судьбы. Содержит нецензурную брань.

© Механик О., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Травма	5
Шаг не в ту сторону	6
Васюков	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Олег Механик

Травма

Травма

Я медленно выплывал на поверхность из небытия. Сон ни о чём, сменился видом белых простыней. Я находился словно под пологом из белоснежной ткани, за которым слышались разные звуки и голоса. Голоса были мужские. Разговаривали двое, и я ясно понял, что речь идёт обо мне.

– Авария что ли? – говорил один голос.

– Санитары говорят, под колёса залетел. Пьяный вроде. Ты чё не слышал, как он санитаров матом крыл? Завидую я Колюня твоему богатырскому сну... – отвечал второй.

Моё сознание было чистым, как помытый и отполированный барменом бокал. Не было никаких панических мыслей «Где я и что со мной?». Я чётко всё осознавал.

Где я? – В больничной палате.

Что со мной? – пока ясно не было, но видимо что-то серьёзное.

Я был абсолютно спокоен, словно всё напряжение, копившееся во мне несколько лет, вдруг схлынуло, вышло, испарилось. Я обнулился и видимо, даже чуть не ушёл в минус. Какое-то время мне не хотелось озираться вокруг, думать о том, что произошло. Я хотел привыкнуть к этому новому чувству, насладиться им, пока не пришла боль. Она ведь должна была откуда то прийти, но видимо её задержали какие-то транквилизаторы, которыми меня, скорее всего, накачали. Мне хотелось подольше побыть в этом маленьком уютном мирке, окружённом белыми простынями.

Всё, что творилось вокруг и внутри меня в последнее время, неумолимо должно было привести меня сюда, в этот белоснежный мир, в этот предбанник из которого я возможно попаду в раскалённое пекло парилки, или окунусь в ледяную стужу. Напряжение сменилось расслаблением, безысходность исходом. Чайник так долго кипел, что крышку с неугомонным свистком сорвало, и шипящий кипяток вырвался наружу. Теперь я был словно на вершине высокой горы, откуда спокойно мог наблюдать свои житейские невзгоды, которые с высоты казались такими мелкими и ничтожными.

Какая странная метаморфоза получается. Тебе двадцать пять, и ты полностью разочарован в жизни. Внезапно ушла вся романтика, которая держала тебя на плову до сей поры. Нужно было становиться прагматиком, и ты пытался им стать по мере сил. Тебе пришлось вникать в то, что раньше тебя не интересовало. Нужно было отбросить старые привычки, увлечения, мечты, чтобы сосредоточиться на заработке денег. Теперь мозги нужно было набивать необходимыми знаниями. Серое вещество требовало всё больше серой пищи.

С детского возраста и до этих лет мир постепенно сужался. С каждым днём он усыхал, уменьшался в размерах, пока не превратился в окружающие тебя четыре стены. Работа – начальник ; дом – жена; Понедельник – пятница, пьянка – похмелье; первое мая- новый год- отпуск. Больше ничего. Ты начинаешь задыхаться в этой круговерти, думаешь «неужели всё так и будет и ничего не произойдет».

И вдруг «вуаля»: В один прекрасный день ты обнаруживаешь себя в больничной палате. Ты оказываешься в другом измерении, балансируешь на грани жизни и смерти и не знаешь, куда тебя качнёт при следующем вдохе. Но именно здесь и сейчас ты свободен. Ты вырвался из беличьего колеса. И ещё не ясно, может ты попал в волчью яму, но тебе это не важно сейчас, ведь ты мечтал о переменах, и они случились. Пусть так, пусть такие, но они есть.

Шаг не в ту сторону

Появляющаяся тупая боль, где то там, в районе правой ноги, заставила меня задуматься, а что же было до этого?

А до этого мне сверлили ногу. Точно! Звук дрели, зверская боль в колене и мой дикий крик. Мордоворот в зелёном, забрызганном кровью санитарном костюме, прижимает мой подбородок локтём, и шипит: «Заткнись сука». Но я продолжаю орать ещё пуще, так как кто-то там с другой стороны хватает и выкручивает мою ногу, словно завивает её в спираль.

– А-а-а, бля-я-а! – Опять свист дрели и проникающая раздирающая глотку боль.

– Заткнись блядь... – я уже не вижу мордоворота, а его голос становится тише, как будто он стремительно удаляется от меня. Последнее, что я слышу: «Всё вырубился, давление падает...».

Кое-что я всё-таки вспомнил, и теперь начинаю понимать, что вижу перед собой. Это же моя правая нога, накрытая белой простынёй. Она перекрывает мне весь обзор, так как висит на растяжке. Я отвернул край простыни (слава Богу, обе руки оказались на месте) и увидел, что из моего колена торчит стальная спица. Она пронзила его насквозь. Вторая точно такая же проткнула мою пятку. Эти спицы прикреплены к противовесу, который растягивает мою ногу.

А может меня просто привязали, чтобы я не убежал? Чтобы снова не пошёл искать приключений на пятую точку? Да уж, ходить мне точно придётся не скоро.

Я оглядел палату. Она оказалась довольно просторной. Шесть коек, по три в каждом ряду. Почти все, насколько смог окинуть взглядом заняты такими же привязанными намертво пассажирами. Напротив, в углу у окна какой-то луноликий татарин, или казах с загипсованными ногами и правой рукой; рядом с ним усатый мужик, обе ноги которого вздёрнуты кверху, а за спинкой кровати висят две гири. Вот уж кто точно намертво привязан. На соседей слева и справа я пока не смотрел, хотя знал, что они тут есть и что они именно по обеим сторонам от меня. Я чётко представлял себе эту палату и то место, где стоит моя кровать, хотя был здесь впервые. Пока же мне хватало того, что я вижу перед собой.

Я пошевелил руками, согнул в колене левую ногу. «Вроде всё остальное функционирует». Состояние внешнего вида головы пока оценить было сложно, но внутренности были на месте. Мало того эти внутренности были в полной ясности и покое. Я просто наблюдал. Наблюдал за весёлым казахом, который много курил, смеялся и сильно кашлял; за его мрачным соседом, который раскинув усы уныло пялился перед собой. Наконец казах обратился ко мне:

– О, ночной гость, очнулся? – он улыбался широко и добродушно и его голос был звонким, как будто он в бане повстречал старого друга.

Я попробовал улыбнуться ему в ответ. Первая моя улыбка далась мне тяжело, так как запёкшиеся губы треснули, и я почувствовал, как мой рот наполняется кровью. И ещё, я ощутил недостаток переднего зуба.

– Ну, рассказывай, каким ветром тебя сюда занесло, – задорно улыбался казах, а в унылом взгляде его соседа загорелся огонёк любопытства. Это напоминало мне начало старого советского анекдота: «Встречаются как-то в раю русский татарин и киргиз». Мы хоть пока были ещё не в раю, а в его предбаннике, но параллель явно просматривалась.

Каким же ветром меня занесло? Дай Бог самому вспомнить. Я пока не стал отвечать любопытному соседу, а решил сначала разобраться в своих воспоминаниях. Итак, последнее, что я вспомнил, это то, как два мордоворота в санитарных костюмах сверлили мою ногу. Причём делали это, похоже, без всякого наркоза и с большим удовольствием.

Что же было до этого? Дальше всё обрывалось. Я закрыл глаза и попытался вспомнить хоть что-то. Что у нас было вчера? Вчера было воскресенье.

Всё, вспомнил! Вчера был праздник – «день России». По-моему так он называется. Или день освобождения России? От кого же её освободили в начале июня? Нет, скорее всего, просто «День России». Любопытно, я даже не знаю точное название и историю происхождения этого праздника, впрочем, как и многих других, которые с удовольствием отмечаю. Разве это всё важно, название, история и прочие сопли? Важен процесс.

Мы с друзьями Максом и Жекой, как истинные патриоты не могли обойти этот праздник стороной и решили тупо нажраться. Сначала пили во дворе на веранде, потом в летнем кафе возле дома. Потом пошли в другое кафе.

Всё вспомнил!!!

«Вы все пидарасы!» – орёт вскочивший со стула Макс. Он орёт это не нам, его возглас обращён к посетителям кафе, которых в этот ночной час здесь немного. Но все эти немногие посетители сидят за одним большим столом, все они хорошо подкачаны и обладают бритыми затылками. Они обрывают свою беседу и медленно поворачивают щекастые головы на бычьих шеях в нашу сторону.

Не знаю, что такое происходит с Максом, когда он перепивает. Какая шестерня клинит у него там в мозгах. О чём думает человек, когда ночью, посреди девяностых годов, орёт куче отморозенных спортсменов, что они все пидарасы?

«Если ты пьёшь с ворами, опасайся за свой кошелёк...» – так в своё время пели «Наутилусы».

Если ты пьёшь с провокатором и трусом, опасайся за своё здоровье. Если человек посреди пьянки встаёт и орёт «Вы все пидарасы», никогда не пей с этим человеком. Впрочем, если он встал и крикнул, значит уже поздно. Точка невозврата пройдена. Нужно было задумываться, когда он совершал более безобидные выходки. Теперь остаётся наблюдать за событиями, которые развиваются стремительно.

Профессиональный удар в зубы. Макс перекувыркивается через себя, и тут же, поднырнув под край шатра исчезает, словно его и не было. В вопросах внезапного исчезновения Дэвид Коперфильд просто шут по сравнению с нашим Максом.

«Это Ваш друг пацаны?»

Я что-то отвечаю, наверное, им это не нравится, потому что теперь всё стадо бычков обступает меня с разных сторон. Я замечаю, как Жека исчезает, дематериализуется за широкими спинами братков. Вот ещё один мастер по исчезновениям.

Я остаюсь один и меня пытаются вытащить из палатки, как упирающуюся скотину, ведомую на убой. Несмотря на почти невменяемое состояние, я осознавал, что сейчас, за стенами шатра, посреди ночи, пацаны дадут себе воли. Они будут отрывать по полной, не думая о последствиях. Они хотят крови, хотят удовлетворить инстинкт убийцы, завоевателя, благо жертва перед ними. И жертва-то не случайная. Она реально виновата, и это может оправдывать все последствия, на которые им сейчас плевать.

Мой внутренний зверь пришёл в себя, почуяв смертельную опасность. Сразу на выходе я двинул в подбородок первому, который тащил меня за отворот рубахи. Он видимо потерялся, потому что мне удалось вырваться. Я побежал вдоль дороги. Не знаю почему. Наверное, это направление выбрал мой внутренний зверь. Убежал я недалеко. Что-то произошло с ногами, или запнулся, или кто-то из преследователей сделал подсечку, но то, что я помню чётко, это приближающуюся к лицу серую плиту. Плита стремительно увеличивалась в размерах, пока не шарахнула меня плашмя по морде. Лёгкий нокдаун от удара о бетон вышиб из меня с десятков хмельных градусов. Я попытался тут же подняться, ведь разлёживаться было совсем не время, но голова снова встретилась с плитой, от удара сверху. Это был уже нокаут, после которого я не смог подняться. Зато мне быстро помогли несколько пар крепких мускулистых рук.

Меня куда-то поволокли. Я ощущал этот сгусток звериной силы, готовый разорвать меня на куски. Мой внутренний зверь ничего не мог поделать с неравным противником, хотя неистово сопротивлялся.

– Не дёргайся, сука. Щас ты, бля, и за себя и за друзей мазу держать будешь. – Кричал чей то возбуждённый голос, видимо главаря.

– Давай, пацаны! Раз-два- три...

Меня пару раз сильно качнуло, и я вдруг полетел. Бросок был довольно мощный и профессиональный, потому что падал я целую вечность.

«Они хотели посадить меня на жопу» – это я понял только сейчас, лёжа в палате и по кусочкам восстанавливая картину событий. В древней Руси, людей сажали на кол. Была такая изуверская казнь. В новой России девяностых казнь видоизменилась и была модернизирована братками. Обвиняемого подбрасывали как можно выше, чтобы он плашмя шмякнулся об асфальт. И всё. Казалось бы безобидная детская шалость. Но вся тонкость состояла в том, что теперь включалась рулетка. Ты мог встать пойти и больше никогда не вспомнить того, что произошло. Мог не встать, а остаться лежать с раздробленным копчиком, или с трещиной в позвоночнике. Был ещё третий вариант, который содержал много подводных камней. Тут уже всё зависело от того, каким тебя сделали мама с папой, точнее, насколько крепко привязаны твои органы. Просто у многих опускались почки, и вообще могло быть очень много неприятных последствий.

Во мне было пол-литра водки, и если даже половина из этого выветрилась, всё равно, благодаря алкоголю моё тело не было сковано страхом, и внутренний зверь сработал как надо. Я изогнулся в воздухе как кошка, сделал несколько кульбитов и приземлился на ноги. Казалось, что задумка кучки садистов потерпела крах, оставалось помахать им рукой и бежать в противоположную сторону. Я сделал шаг и...

Оказалось, что не всё было так просто. Я нарвался на серьёзных парней, поднаторевших на такого вида забавах. Они проявили изобретательность, решив соединить два смертельных аттракциона. Они выбросили меня на центр проезжей части. Один аттракцион не сработал, благодаря моему успешному приземлению. Но к моему несчастью сработала вторая часть шоу.

«Аннушка уже разлила масло».

Он уже разлил остатки вина по стаканам себе и очередной блядёшке и теперь мчался на своей «девятке» из одного конца города в другой. Он просто катался в стельку пьяный, а рядом с ним сидела аппетитная девчонка. Можно понять, из-за чего он не увидел полноценного человека стоящего посреди пустынной дороге в ночи. Только вот ночи сейчас стоят почти белые. Но в этом состоянии, да ещё и с девкой под боком он бы и слона не заметил. Я узнаю о нём позднее, а пока, всё, что я мог вспомнить это ослепивший меня свет и мощный удар, словно Кинг-Конг дал мне хорошего подсрачника. Следующий фрагмент это уже два мордоворота с дрелью. Теперь всё логично. Пазл собрался.

– По- моему, меня сбила машина... – ответил я казаху, хотя с того момента, как он задал вопрос, прошло не менее полчаса.

Я быстро вживался в роль нового обитателя палаты «911». Сразу же, после того, как мне удалось восстановить в памяти события, предшествовавшие моему заселению в палату, я приступил к знакомству с новыми соседями.

Казаха звали Мухтар. Это имя сначала показалось мне странным. «Собачья кличка какая-то» – подумал я. Тогда в моей памяти это имя ассоциировалось с фильмом «Ко мне, Мухтар». Когда я слышу это имя сейчас, в голове возникает образ весёлого скуластого казаха, лежащего на высокой кровати рядом с окном. Его усатого соседа звали Коля. Справа от меня лежал молодой паренёк с загипсованной рукой, по имени Лёха. Я стал завидовать этому Лёхе буквально сразу же после знакомства. Он в отличие от всех находящихся в палате мог свободно перемещаться на своих двоих. По сравнению со всеми нами, загипсованными, с привя-

занными к растяжкам конечностями, походящими на искорёженные выброшенные на свалку механизмы, Лёха казался просто обитателем курорта. Он не был привязан к своей кровати и мог в любой момент пойти на все четыре стороны.

Ещё вчера, будучи абсолютно здоровым человеком, я чувствовал себя глубоко несчастным, а спустя сутки, я жутко завидовал парню, который просто может ходить. Оказывается, зря завидовал.

Если чёрная полоса накрыла всех нас внезапно, то Лёху она преследовала уже полгода. Из его рассказов (он был ужасно болтлив) я узнал, что он навернулся со стремянки, работая на стройке. Заполучил сложный перелом правой руки. После операции рука никак не хотела срастаться и не работала, как положено. Оказывается, что её неправильно собрали. Пришлось делать повторную операцию. Для этого руку снова сломали и собрали. Через какое-то время оказалось опять неправильно. В общем, сейчас Лёха ждал уже четвёртой по счёту операции и серьёзно рисковал стать инвалидом. В этой истории меня поражала сама формулировка. Что значит «неправильно собрали», удивлялся я. Это что конструктор, пылесос, карбюратор? Мне представлялась кучка врачей корпящих над разбросанными по столу частями руки. Они крутят ладонь, поочередно прикладывают к ней пальцы, меняют местами запястье и предплечье.

– Та-акс, это по-моему сюда, – попыхивая папироской, говорит бородатый в больших очках и колпаке доктор, похожий на Айболита.

– Ну что Вы, Иван Иванович, безымянный палец на место большого воткнули, – укоризненно качает головой второй.

– А Вы мне схему сборки дайте, Михал Кузьмич...

– Да кабы она была, Иван Иванович. Она же только с паспортом изготовителя идёт, а он давно уже утерян...

Тогда я ещё не знал, какой конструктор содержит моя правая нога. Я не мог себе представить, сколько нужно профессионализма хирургов, терпения, удачи и многих других сопутствующих факторов, чтобы не просто собрать этот сложный пазл, а ещё сделать его дееспособным.

Кстати это были не все Лёхины неприятности. Его работодатель сначала уговорил его, чтобы он зафиксировал травму как бытовую, а потом отказался платить ему больничный и компенсацию. Короче, полный букет удовольствий. Но Лёха не унывал, неутомимо во всех подробностях рассказывая всем по многу раз о своих злключениях. И вообще я заметил, что кроме усача Коли, вечно пялившегося в потолок, здесь не унывал никто.

Мой сосед слева Мишка оказался весёлым деревенским пареньком. Он тоже залетел сюда накануне с открытым переломом ноги, которая в отличие от моей, была просто загипсована, и снимал похмелье, периодически глотая из горлышка бутылки с водкой, спрятанной в тумбочке.

– Будешь? – предложил он мне, протягивая стакан. Я, поморщился и замотал головой. После ночных событий во мне не осталось ни одного промилле алкоголя, поэтому похмелья не требовалось.

Забегая вперёд, скажу, что за последующие два месяца мои соседи слева и справа поменяются по несколько раз, неизменной останется только картинка напротив: весёлый казах и Коля.

Не успел я обжиться в палате, как прилетели первые посетители: жена и мать. Они стояли на пороге, и на их невыспанных красноглазых лицах было одинаковое выражение. Боже, как они устали от моих выкрутасов.

«А как Вам этот фокус?» – говорил я им, всем своим видом, растянутого на дыбе страдальца. Я улыбался щербатым ртом, а они продолжали молча смотреть на меня. В их глазах был и упрёк и сострадание и всё это в адрес одного человека.

«Что же ты лыбишься? – говорили их взгляды. – На поминках нужно печалиться...»

«На чьих ещё поминках» – задавал я мысленный вопрос.

« На твоих, на чьих еще? Хоть человек и говно, но уважение то прояви, не улыбайся во весь рот».

Но ничто не могло в тот первый день новой жизни поменять моего возвышенного настроения.

– Не волнуйся, мам, всё будет хорошо! – продолжая улыбаться, я взял мать за руку и крепко сжал её. Могу сказать, что за всю мою жизнь, исключая совсем молочный возраст, это было наибольшее проявление нашего взаимного тепла. Так уж сложились наши взаимоотношения. Но тогда она заплакала.

Я хорошо понимал свою растерянную жену. Для неё я являлся чемоданом без ручки. Меня было жалко выбросить, хотя было бы уже пора. В общем, спасибо всем, кто меня терпел всё это время.

Ближе к вечеру в палату ворвался моложавый мужичёк с круглым смазливый личиком. Личико было местами красное, что говорило о любви его хозяина к возлияниям.

– Кто здесь Петров? – спросил он, быстро перебегая маленькими глазками с одного покорёженного на другого.

Я поднял руку вверх.

– Ну привет, крестник! – пожимая мне руку, он натянуто улыбался, а в его красных бегающих глазках таился страх. Оказалось, что это тот самый паренёк, который переехал меня ночью на своей девятке. Мы недолго поговорили. Он рассказал, что ехал с ночной смены; что ничего не предвещало беды; что на ровной дороге, на пустом месте перед носом его девятки материализовался человек, и он не успел среагировать, так как это произошло внезапно. Я рассказал ему свою версию событий, то есть то, что я помнил из этой ночи.

Услышав, что я не собираюсь его обвинять из-за того, что сам был не в лучшем состоянии и в форс-мажорной ситуации, он вдруг изменил тон. Из несчастного терпилы он в миг превратился в строгого прокурора. Он хлопал себя по ляжкам и ныл, что его, наверное, лишат прав, да и вообще срок могут впаять; что и так жизнь не сахар; сетовал на то, почему мне нужно было нарисоваться именно перед его машиной. Я ещё раз успокоил его, что не буду иметь никаких претензий, и мы попрощались. За всё время нашего разговора, он так и не присел, а стоял поодаль кровати. Он словно боялся заразиться веющей здесь неудачей и остаться среди нас.

Впоследствии, я понял, что он был не таким уж невинным агнцем в этой истории, и даже немножко жалел, что взвалил на себя всю вину. Следователь, который пришёл ко мне на следующий день поведал, что чувак этот просто рецидивист. Любитель пьяной безбашенной езды он много раз лишался прав и в его арсенале кроме множественных ДТП есть и наезд на пешехода. Передо мной под его колёса попала бабка, которая тогда отделалась каким-то чудом и без травм. Следователь сетовал, что вместо того, чтобы помочь засадить этого долбоящера за решётку и требовать с него компенсацию, я его выгораживаю. Но я же обещал, а в моих понятиях тогда слово пацана значило всё. Кстати я и сейчас верен своему слову.

Уже тогда я начал задумываться о том, что у таких роковых событий не может быть одной причины. Все они представляют собой стечение обстоятельств.

Ничего не случилось бы, если бы в тот день я не решил отметить праздник, или если бы я отметил его в другой компании;

если бы вместо очередной кафешки мы разошлись по домам;

если бы мы пошли в любую другую кафешку;

если бы пришли туда часом раньше, или часом позже, когда там не было братков;

если бы у Макса не заклинило чердак;

если бы я убежал вместе с ним;

если бы я просто извинился перед этими парнями за своего друга;

если бы я побежал в другую сторону;

если б не запнулся;

если бы оказался на дороге перед любой другой машиной, где сидел трезвый водитель, который бы вовремя среагировал и нажал на тормоз...

Исключи все эти «если» и всё было бы по другому.

А может, ЕСЛИ бы даже все эти факторы изменились, концовка была бы той же, или хуже. Может точка поставлена заранее, а все пути в любом случае сойдутся в этой точке? Эти мысли не давали мне покоя тогда, а сейчас я уверен, что всё так и есть. Тогда же я нашёл себе успокоение в одной единственной мысли:

«А что ЕСЛИ при всех других измененных факторах я оказался бы на дороге перед носом огромного джипа, за рулём которого сидел бы не пьяный мужик, а обдолбанный наркотой пацан? Поэтому, слава Богу, что всё вышло именно так, как вышло.

Весь последующий вечер первого дня был переполнен заботами, которые больше не давали мне уходить в себя. Строгая, чем то похожая на школьную училку, медсестра одну за другой ставила мне капельницы, давала какие-то таблетки и под вечер воткнула болючий укол в ляжку здоровой ноги. В этот же вечер я под строгим инструктажем Мухтара научился пользоваться уткой и познакомился с Лариской.

Лариска, (так её все называли), была санитаркой. Она была достаточно молодой (лет двадцать пять) симпатичной чернявой взбитой бабёнкой, и роль уборщицы и потрошительницы уток ей шла не очень. В её чёрных горящих глазах чувствовался неуёмный темперамент. Встретившись с ней взглядом впервые, я сразу почувствовал искру, импульс, который для меня красноречивей всех слов и поступков. Её пылающие глаза и озорная улыбка на пухлых эротичных губах говорили «А ты ничего так... Я бы не прочь, вот только поза у тебя не очень, и изменишь ты её похоже не скоро».

Она, наклонившись, мыла шваброй пол под моей кроватью, а я смотрел на огромные колыхающиеся в так движениям груди в разрезе белого халата.

«Да что ж это такое – возмущался я про себя, чувствуя накатывающее возбуждение. – Правду говорят, что горбатого могила исправит. Ещё несколько часов назад ему сверлили дрелью ногу без наркоза и вот он уже пялится на чьи то дойки». Потом Лариска начала мыть пол под соседней кроватью, и снова перед моими глазами возник живописный пейзаж с просвечивающими из под халата белыми трусиками на полных аппетитных бёдрах. Короче говоря, пока Лариска не сделала все свои дела в палате и подмигнув мне не ушла домой, все мои мысли были заняты только ей.

Потом мы всей палатой (кроме Коли разумеется) ржали над анекдотами, которые один за одним выдавал весельчак Мухтар. Смеяться было тяжело от того, что при каждом спазме хохота у меня жутко кололо в боку, видимо были сломаны рёбра. От этих ограничений процесс смеха становился запретным удовольствием, но был от этого только слаще.

Боль в ноге никуда не уходила. Всё это время она была со мной, но существовала только фоном к бесконечно отвлекающим меня от неё событиям. Только ночью, когда всё затихнет, она вступит в свои права. Она захватит надо мной полную власть, и больше всего в больнице я буду бояться этих ночей наедине с болью. А пока мы болтали, травили анекдоты, и смеялись как в последний раз. Каждый из нас, таким образом, боролся со своей болью. Этим же вечером Мухтар рассказал мне о том, как сюда попал. Наверное, в первый раз тогда я ощутил, насколько глубоко могу погружаться и пропускать через себя рассказанные мне истории.

КОМПЬЮТЕРЩИК, ЧЁРТ И АНГЕЛ

К моему удивлению, Мухтар оказался компьютерщиком. В моем тогдашнем понимании компьютерщики представляли из себя нечто бледное, прыщавое и очкастое. Мухтар, хоть и не был полным олицетворением брутальности, но всё же в моём понимании был далёк от этого образа. Он больше походил на коммерсанта, владельца какой-нибудь палатки на рынке. Он был пухлый и мордастый, словно Будда на китайских картинках, и я не мог представить, как он щёлкает по клавиатуре своими здоровыми мясистыми пальцами. Короче он был человеком

утончённым и творческим (такими в моём понимании были все компьютерщики) и вращался в среде подобных людей.

Оказывается, утончённые люди тоже не прочь выпить компанией в пятницу. Мухтар с коллегами ничем в этом плане не отличались от меня и моих раздолбаев друзей. Каждую пятницу они собирались и сидели в одной кафешке в центре города.

Я заметил одну закономерность: ещё одна история начинается с пьянки и кафешки. В общем, в тот летний вечер пятницы, они в очередной раз собрались с друзьями. Вечеринка быстро набрала обороты и видимо вырвалась за рамки обычных посиделок, так как пьяная компания продолжала заказывать пиво до позднего вечера, пока у всех не закончились деньги. Я представлял себе Мухтара, веселящегося за столиком уставленным бутылками пива в кругу друзей, которые, наверное, тоже не походят на компьютерщиков. А что если меня выбросила на дорогу такая же компания загулявших программистов, подумалось мне.

Вечеринка закончилась вместе с деньгами уже за полночь, и наш герой, слегка пошатываясь, с пьяной улыбкой побрёл к дому, который был тут же неподалёку. Зайдя в свой подъезд и поднявшись на четвёртый этаж, он долго звонил в дверь. Открывать никто не собирался, вернее открывать было не кому. Жена Мухтара, неоднократно предупреждавшая его, что ещё один такой загул, и она уедет к родителям в этот раз привела свою угрозу в действие. Это не очень огорчило молодого программиста. Больше его заботил тот факт, что свои ключи от квартиры он оставил внутри и теперь не сможет в неё попасть.

А дальше стало происходить то, что выходило за пределы моего понимания. Мухтар поднялся на пятый этаж и постучался в квартиру, которая была сверху. Здесь ему тоже никто не открыл, но при очередном стуке, дверь вдруг отворилась сама. Компьютерщик без тени сомнения вошёл в квартиру. Не обнаружив никого в прихожей и в единственной комнате, он прошёл напрямик на балкон. Кстати, в этой квартире жила какая-то бабуля божий одуванчик. Очувтившись на балконе, наш герой снял с верёвки висящую на ней простынь, скрутил её в жгут, крепко (как ему казалось) привязал к железной перекладине и, перемахнув через перила, начал спускаться вниз. В этот момент воспоминания Мухтара прервались, казалось бы на секунду.

Открыв глаза в следующий миг, он обнаружил себя в комнате с белым потолком, на кушетке, обвешанной каплеуловителями. Не понимая в чём дело, он начал кричать, пока перед ним не вырос пожилой доктор азиатской внешности, в белой тубетейке вместо колпака.

– Где мои кроссовки? – задал Мухтар, как ему казалось резонный вопрос. Действительно, белоснежные кроссовки фирмы Nike были только что куплены и, между прочим, за немалые деньги.

– Не знаю, – ответил доктор он же мулла. – Они теперь долго тебе не понадобятся. Дай Бог, чтобы вообще понадобились.

– Где я? – по сути, этот вопрос должен был быть первым.

– В больнице, в отделении реанимации, – спокойно ответил мулла, а потом спросил. – Ты мусульманин?

Находчивый остряк Мухтар сразу же нашёл, что ему ответить.

– А это как-то будет влиять на моё лечение?

– Пошёл на хуй! – Это было последнее, что сказал ему доктор.

Мухтар с радостью пошёл бы туда, куда его послали, но не мог этого сделать. Доктор резко развернулся и ушёл сам, словно до этого он дал указание сам себе. Это был первый и последний раз, когда Мухтар видел этого доктора муллу. Он даже начал сомневаться, а уж не привиделся ли он ему. А если это был ангел, над которым так глумливо подшутил казах. Может быть этот ангел увидел в нём своего клиента и хотел сопроводить его в рай, но когда понял, что ошибся не выдержал и выругался. А что, ангелы, дежурящие в реанимации тоже не железные.

– Вот и вся история, – грустно улыбаясь, закончил свой рассказ мой новый знакомый.

– Мухтар, – обратился я к нему, – в моей голове не укладывается несколько фактов. Скажи, а ты уже не первый раз вот так лазишь с балкона на балкон?

– Нет, тот раз был первый и последний.

– Скажи, а что тебя надоумило? Меня поражает даже не то, что ты проник в чужую квартиру, а сам способ, которым решил спуститься. Это же очень рискованно. Ты может бывший спортсмен, эквилибрист, или часто видел, как это делают другие?

– Да ни чё я не видел, никакой не спортсмен... просто в голову пришло...сейчас сам не понимаю... – Будда продолжал невозмутимо улыбаться.

– А вот эта бабка, куда она делась? Ты узнал потом?

– Конечно узнал. Она и соседи утверждают, что её в тот вечер увозила скорая. Давление вроде... но вот когда вернулась никто не знает.

– А у тебя сомнения что ли, по поводу этого?

– Видишь ли, Игорь, в последний момент мне показалось, что кто-то там был сверху...

– При этих словах лицо Мухтара сделалось мрачным.

– Ты же говорил, что ничего не помнишь?

– В том то и дело, что точно не могу сказать, но мне кажется...

– То есть, ты думаешь, что бабка всё это время была в квартире, в туалете, или скажем на кухне, а когда увидела проникшего в квартиру злоумышленника, развязала узел на простыни? Казах молча пожал плечами.

– Знаешь, что я думаю, дружище? Ты зря грешишь на эту бабку. – Я приподнялся на кровати, насколько позволяли мои растяжки, чтобы видеть глаза Мухтара.

– Почему?

– Ну смотри: ты сам сказал, что это первый твой опыт лазанья по балконам, так?

– Ну, так... – согласился казах.

– То есть ты не знаешь, как профессионально завязать узел и как выбрать средство для такого трюка?

– Ну, узел я завязал обыкновенный, но крепкий в три раза, а материал, это уж что было под рукой.

– Во-от, узел должен быть затягивающимся, но это неважно, в твоём случае. Дело в том, что простынь это самое неподходящее для такого спуска средство.

– Почему?

– Скажу по своему опыту. Мы раньше так лазили в общагу к девчонкам. Они навязывали на простыни узлы и спускали их вниз. Так вот, из двух подъёмов, которые происходили на моих глазах, оба оказались неудачными. Простынь просто рвётся, как листок бумаги и скалолаз с размаху шлёпается жопой об асфальт. Слава Богу, что это происходит почти сразу, на высоте нескольких метров. Дело в том, что старые простыни сами по себе очень ветхие и хрупкие.

– Может быть, – снова пожал плечами казах.

– Ну и сам подумай, если эта бабка и увидела, что ты спускаешься с балкона, неужели стала бы так хладнокровно и молча развязывать узел, который под нагрузкой и не развязать, если он сам этого не делает.

– Может ты и прав – сказал Мухтар. – Я и не собирался эту бабулю ни в чём обвинять. Просто показалось, что видел кого-то.

– Я думаю, что тебе показалось уже после того, как всё случилось. Это уже воображение, которое не успокаивается пока не дорисует всю картинку и не найдёт виноватого.

Рассказ Мухтара долго не давал мне покоя, и я мысленно неоднократно возвращался к нему. В моей голове крутился один вопрос: что подвигло этого рыхлого далеко неспортивного парня на такой неоправданный риск. Ведь он был не под экстази, а всего лишь под пивом. Как выглядел тот чёртик, который виляя хвостиком, заманивал его на верхний этаж. Каким был голос, шептавший ему на ухо «просто поднимись на пятый и спустись вниз с балкона на балкон».

Это же так просто...». И опять множество «если» осыпалось дождём, крутилось водоворотом в моей голове.

Если бы он ушёл с этой пьянки чуть раньше;
если бы утром не забыл дома ключи;
если бы его не понесло на пятый этаж,
если бы у бабули вечером не поднялось давление;
если бы она не забыла закрыть дверь...

Как и в моём случае, все стекающиеся воедино факторы неумолимо вели героя к роковой развязке. Перед ним, словно один за другим загорались зелёные светофоры, приглашая его продолжать путь, ведущий прямо в эту палату.

Может ему и не показалось. Там сверху действительно кто-то был. Этот кто-то махнул ему на прощание маленьким копытцем и радостно вильнул серым облезлым хвостиком.

Васюков

Своего лечащего врача я увидел только на следующий день. Точнее врач был не мой, а общий – один на всю палату. После бессонной ночи, причиной которой явилась жутко ноющая нога, я уснул только под утро и был разбужен шумной компанией в белых халатах.

Их было четверо, и они входили в палату, как к себе домой, о чём-то громко разговаривая между собой. Трое были высокими как один, примерно одного возраста в районе тридцати, в белоснежных халатах и с розовыми лоснящимися лицами. На контрасте с обитателями палаты, они походили на богов, которые спустились с Олимпа, и теперь обнаружили, что не все их творенья вышли идеальными. Они, по очереди переходили от кровати к кровати и рассматривали лежащих, словно перед ними были неодушевлённые предметы.

Четвёртый бог был поменьше остальных постарше возрастом и показался мне немного приземлённее своих коллег. Он сутулился и держал руки в карманах короткого застиранного халата. Его лицо не было таким розовощёким, как у коллег, и ходил он как-то не вместе с ними, а больше за ними, словно немного отставая. Большие боги активно трясли головами, что-то записывали в планшетах и постоянно оборачивались с вопросами к этому маленькому. Тот что то отвечал на профессиональном тарабарском. Во всём его виде было нечто противоположное собранности. Была какая-то вальяжная расхлябанность в его жестах походке и хитром с прищуром взгляде. Было заметно, что уж кто-кто, а этот человек здесь на своём месте. Большие боги ненадолго задержались возле меня. На сегодня я оказался самым уникальным экспонатом.

– Как самочувствие? – спросил один генеральским басом и смерил меня стальным взглядом. «Этот точно главный».

– Отлично! – улыбнулся я. При виде этого генерала, мне почему то жутко захотелось отдать честь.

Мой бодрый ответ заставил всех четверых улыбнуться.

– Молодец! – сказал главный, и, обернувшись к маленькому, тихо дал какие-то распоряжения. Тот, в свою очередь, подойдя к моей койке, небрежно бросил мне на грудь большой рентгеновский снимок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.